

3. Соколов, Б.М. Лубок как художественная система / Б.М. Соколов // Мир народной картинки : матер. науч. конф. «Випперовские чтения – 1997», Москва, апр. 1997 г. / Гос. музей изобр. искусств ; под общ. ред. И.Е. Даниловой. – М., 1999. – Вып. 30. – С. 9–30.

Татьяна Бабич

НУМЕРОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ВЕРОВАНИЙ И ТРАДИЦИЙ КИТАЙСКОГО НАРОДА (на примере праздника *Семи сестер*)

Европа испытывает давний и устойчивый интерес к китайской культуре. Вначале целью было завоевание и колонизация Востока, где создавались военно-административные структуры, торговые предприятия, миссионерские учреждения и пр. Постепенно европейцами осваивались китайский язык, государственное устройство, религия, обычаи китайского народа. Вошли в моду китайские экзотические украшения, пряности, посуда, сладости. Модными стали произведения литературы и скульптуры Китая, заимствовались философско-религиозные доктрины. Наибольшую заинтересованность в среде специалистов-китаеведов, историков, искусствоведов вызывают древние народные традиции и обрядовая культура китайского народа. Народная культура характеризуется претворением исторически сложившегося менталитета китайского народа, присущих ему национально определенных стереотипов мироощущения и поведения. Традиционность является главенствующей составной частью структуры национальной психологии, национального мышления и национального характера. В китайском обществе сформировались устойчивые стандарты поведения, речи, четко фиксированные обряды и психологические установки, которые соблюдаются всеми членами общества. Это вырабатывает чувство меры, и тем самым гарантирует защиту человека от позора и бесчестия, грубости и трусости, вселяет чувство гордости и почтения, уважения и мужества.

К празднествам, религиозным обрядам и различным фестивалям в Китае отношение особое. Китайский календарь событий пестрит от разного рода событий, которые пользуются неизменным уважением, ведь праздники несут в себе важную смысловую нагрузку, позволяют прикоснуться к неведомому миру тайных сил, привлечь здоровье и благополучие, хороший урожай или семенное счастье. Все праздники в Китае делятся на: «праздники живых» и «праздники мертвых». Обычно они чередуются между собой – сначала почитают духов, а затем воздают дань живым.

Городом-«перекрестком Азии», соединяющим в себе разные культурные ценности и традиции, называют Гонконг. Гонконг – бывшая британская колония – специальный административный район КНР, один из ведущих финансовых центров Азии, сегодня представляет собой современный динамичный город со сверкающими небоскребами, широкими проспектами и стеклянными офисными зданиями. Более полутора столетий Восток и Запад незримо борются между собой за обладание этим удивительным городом.

Зрелищным событием Гонконга является «**Фестиваль семи сестер**», проводимый ежегодно 7-го числа 7-го лунного месяца по китайскому календарю (в начале августа). Этот праздник отмечают влюбленные пары и незамужние девушки, занятые поисками второй половинки. Его зарождение относится к 740 г. до н.э. Основные торжества проходят в районе Ван Чай, на Горе влюбленных, но и на улицах Гонконга можно увидеть яркие праздничные мероприятия. Красивая легенда положила начало этому празднику. Согласно ей, в давние времена жила Девушка-звезда, дочь звездного императора Юк Вонга и самая младшая из семи его дочерей. Она была любимицей отца и ткала для него. Выйдя с позволения отца замуж за пастуха, который жил на противоположной стороне Млечного пути, девушка забыла свою семью и перестала ткать для отца. В качестве наказания император позволил ей видеться с мужем только на седьмой день 7-ой Луны.

На «Фестивале семи сестер» участники соревнуются по вдеванию в иголку нитки пяти цветов и подносят дары звездам (две звезды символизируют пастуха и его возлюбленную), а ритуал сожжения семи комплектов туалетных принадлежностей, символизируют семерых сестер. Еще один интересный ритуал, совершаемый на фестивале, это поклонение небу и двум звездам, Альтаиру и Веге, – пастуху и его верной жене. Также в Гонконге приносят подношения у камня влюбленных. Девушки приносят в дар мифическим существам различные подарки, цветы. В Гонконге считают, что участие в фестивале приводит к скорому удачному замужеству, поэтому его так стремятся посетить незамужние девушки. Влюбленных пар, участвующих в фестивале, ожидает гармония и благополучие.

Это один из наиболее романтических праздников в Китае. Его неофициально называют «Китайский День святого Валентина» [3]. В отличие от западной культуры в китайские традиции не входит обмен подарками между влюбленными. В этот день девушки хвастаются своим искусством рукоделия. По традиции, в знак уважения молодые девушки приносят дары небу и двум звездам, которые символизируют пастуха и его девушку и просят у богов хорошего жениха или невесту. В качестве подарков традиционно преподносятся фрукты и благоволия. Такие подношения обычно совершаются на крышах зданий или под открытым небом в саду или во дворе. Самым популярным местом в Гонконге в это время становится «Камень влюбленных».

Один из самых любимых традиционных китайских праздников – **Цисице** (七夕节; пиньинь: qī xī jìé; дословно «Ночь Семерок»). Он также известен как «Сорочий праздник». По китайскому календарю он

отмечается вечером на седьмой день седьмого лунного месяца, отсюда просходит его название (в 2015 г. его празднование приходится на 20 августа). Его также называют китайским Днем Святого Валентина. В этот день девушки вырезают фигурки из дынных корочек, а также загадывают желание удачно выйти замуж. Праздник также известен как День Рождения седьмой сестры (七姊妹; qī jiě dì) или Ночь умений (七夕; qiāo xī).

Китайский фольклор в связи с этим праздником повествует трогательную историю любви молодого пастуха и красавицы-феи. Пастух Нюлан (牛郎; пиньинь: niú láng; дословно «пастух»), однажды увидел семь сестер-фей, купающихся в озере. Пастух украл их одежду и стал ждать. Феи выбрали самую молодую и красивую из них – фею Чжиню (織女; пиньинь: zhī nǚ; дословно «ткачиха», звезда Вега), чтобы она отыскала их одежду. Она согласилась, но как только Нюлан увидел ее обнаженной, он стал требовать девушку в жены. Фея пообещала быть хорошей женой, а Нюлан – хорошим мужем. Они жили счастливо, и у них родилось двое детей. Богиня Неба (в других вариантах – мать девушки) узнала, что фея Чжиню стала женой простого смертного. Богиня пришла в ярость и потребовала, чтобы девушка вернулась на небо (в других интерпретациях она заставила Чжиню вернуться на небо и выполнять свою работу, а именно создавать красочные облака, потому что, пока девушка была на земле, облака исчезли). Нюлан был подавлен и расстроен исчезновением жены. Вдруг его бык заговорил с ним человеческим голосом, и сказал, что если пастух убьет быка и наденет его шкуру, он сможет подняться на Небо и вернуть жену. Горько плача, Нюлан убил быка, снял с него шкуру, надел ее на себя и, взяв любимых детей с собой, отправился на поиски возлюбленной. Богиня узнала его под шкурой и решила наказать. Вытащив шпильку из своих волос, она нарисовала ею широкую полосу на небе, чтобы навсегда разлучить влюбленных. Так появился Млечный Путь между звездами Альтаиром и Вегой. С тех пор Чжиню сидит на берегу реки и ткёт облака на своем станке, пока Нюлан смотрит на нее с земли и растит детей [1].

Согласно преданию, раз в год все сороки слетаются и образуют мост (鹊桥, «мост из сорок», Que Qiao) от звезды Денеб, чтобы влюбленные могли провести вместе единственную ночь в году – седьмую ночь седьмого месяца.

Согласно народным поверьям, если в этот праздник идет дождь, это значит, что влюбленные оплакивают разлуку. Богиня Неба, тронутая чистой любовью молодых, из жалости позволила им проводить вместе одну ночь в году, и ночь эта приходится на седьмой день седьмого месяца. Роль человека, разделившего возлюбленных, в некоторых вариантах легенды играет Небесный Император, отец или мать пастуха. Звезда Денеб – волшебница, сопровождающая Чжиню во время встреч на мосту; также существует поверье, что во время Цисицзе Альтаир и Вега соединяются на Млечном Пути.

Праздник Цисицзе тесно связан со сказанием о Пастухе и Ткачихе, особо почитаемых в Гонконге. В период династии Сун (960–1279) и династии Юань (1206–1368) в столице устраивались шумные ярмарки, на которых продавались специальные подарки и вещи к празднику. В древности праздник Цисицзе был одним из самых любимых. В наши дни в китайских деревнях еще сохранились некоторые традиции праздника, но в городах многие обычаи уже утратили колорит или полностью исчезли. В последние годы праздник Цисицзе пользуется большой популярностью у городской молодежи, которая отмечает его как день влюбленных. Во время этого праздника китайские девушки гадают: когда звезда Вега поднимется высоко в небе, надо положить иголку на поверхность воды, и если она не утонет, значит, девушка уже готова найти мужа. Девушки могут загадать любое желание в этот день, но, согласно поверьям, только одно желание в год.

Во время Цисицзе дворы украшаются гирляндами и девушки делают Нюлану и Чжиню подношения из фруктов, цветов, чая и пудры. После этого пудру делят на две части: одну часть бросают на крыши домов, а оставшаяся пудра делится поровну между девушками. Считается, что после этого Чжиню дарит им свою красоту. Также молодые девушки бросают иглу для вышивания в чашу с водой для проверки умения красиво вышивать. Если игла плавает на поверхности, это значит, что девушка талантлива.

Японцы, позаимствовав традицию в древнем Китае, 7 июля отмечают подобный праздник – фестиваль Танабата. Во Вьетнаме этот день называют «День дождя» (Ngày mưa ngâu) [2].

Заметим, что в Китайской философии, мифологии, фольклоре и искусстве большое значение придается нумерологии, а цифра семь считается священным числом духовного порядка. Священное Писание гласит, что «семь» – совершенное число, оно правит временем и пространством. В легенде о девушке-звезде цифра семь имеет символическое значение – семь сестер, седьмой день седьмой Луны, ночь семерок и пр.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что народные традиции – важнейшая часть историко-культурного наследия, играет исключительную роль в идентификации и самосохранении китайского народа как этноса, отображая его исторические истоки и первородную сущность. Интенсификация межкультурного обмена Европы и Китая способствует осознанию и постижению культурных традиций. Через призму европейского мировоззрения раскрывается и постигается феномен китайской самобытной культуры и ее традиций.

Список литературы:

1. Джон Грэй. История Древнего Китая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.books.google.ru/books?id=fBIsjxRwG-0C&pg=PP312&dq=Предание+семь+сестер>. – Дата доступа: 12.04.2015.
2. Календарь праздников [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.calend.ru/holidays>. - Дата доступа: 03.04.2015.
3. Фестиваль Семи сестер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.discoverhongkong.com/ru/see-do/events-festivals/chinese-festivals/seven-sisters-festival.jsp>. – Дата доступа: 03.04.2015.
4. Цисице [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1344143>. - Дата доступа: 11.04.2015.

Рыма Кавалёва

ПЕРШАСНЫЯ, ДРУГАСНЫЯ, РАМАЧНЫЯ ПЕСНІ «СТРАЛЫ»: СПРОБА ІНТЭРПРЭТАЦЫІ

Паэзія абраду ваджэння «стралы» настолькі складаная з’ява, што даследчыкі, аддаючы перавагу аналізу галоўнай песні, пакідалі па-за ўвагай астатнія або, у лепшым выпадку, проста пераказвалі іх. Разам з тым дадзеныя песні ўтрымліваюць парадаксальныя, алагічныя, незвычайныя элементы, што схіляе да думкі аб іх абрадавым паходжанні. Напрыклад, з песні «Аддавала мяне маці» незразумела, якім чынам аддавала маці дачку замуж – адначасова за старога і маладога або спачатку за старога, а потым за маладога і які лёс напаткаў старога.

Возьмем любыя артыкулы, зборнікі, кнігі, прысвечаныя каляндарна-абрадавай паэзіі ў цэлым або асобным яе комплексам. Безумоўна, аўтары імкнуцца даць агульную характарыстыку абраднасці, але што тычыцца песень, то яны, як правіла, абмяжоўваюцца аналізам найбольш выразных твораў, звязаных з абрадам тэматычна. Ці можна ў такім разе гаварыць, што нам вядома гісторыя абрадавага комплексу, калі яна не выходзіць за межы ўласна абрадавых песень, якія мы адносім да *першасных*, і адсякаюць вялікі шлейф твораў, якія прапануем лічыць *другаснымі абрадавымі*.

Відавочна, што першасныя абрадавыя песні строга абапіраліся на сэнсавую матрыцу, уласціваю абраду «Страла» генетычна. У другасных яна, безумоўна, таксама мільгае, але хутчэй як нейкая дымка, марыва, пахіснутае ў сваіх абрысах. Усе выдатна ведаюць пра пазначаную намі праблему, але ўплыў прынятага ў фалькларыстыцы азначэння «прымеркаваня» ў дачыненні твораў з бытавымі матывамі настолькі фатальны, што інакш іх не ўспрымаюць. У цэлым міфалагічнасць другасных песень мазаічная, празмерная, залішняя і не заўсёды наўпрост звязана з «генеральнай» лініяй абраднасці, часам праз рад прымежкавых асацыяцый.

Трэба адзначыць, што сказанае пра другасныя абрадавыя песні тычыцца не ўсяго масіву твораў, якія гучаць у дзень правядзення «Стралы». Самі інфарманты гаварылі, што, вяртаючыся з поля пасля пахавання «стралы» ў вёску, яны спяваюць любыя лірычныя песні без абмежаванняў. Сярод іх заўважаюцца тыя, якія ніколі не мелі ўнутранай сувязі з абрадам. У такім разе дадзены пласт твораў павінен разглядацца ў двух ракурсах: гістарычным – калі высвятляецца іх унутраная сувязь з абрадам, і псіхалагічным – калі акрэсліваюцца асацыяцыі, з прычыны якіх пазаабрадавыя песні ўцягваліся ў кола абрадавых і каляабрадавых, «прымяркоўваліся» да абраду. Пры гэтым каляабрадавымі мы будзем называць *рамачныя* творы, якія выконваюцца або да абраду, або непасрэдна пасля яго, але ніяк не ў яго межах. Заўважым, што абагульняючых прац па гэтых групах песень не назіраецца. «Прымеркаванасць» вызвала даследчыкаў ад паглыблення ў іх сэнс, тым больш ад неабходнасці шукаць гістарычныя сувязі з разглядаемым абрадам.

Зыходзячы з максімальнага ахопу твораў, традыцыйна выконваемых у рамках ваджэння «стралы» і нават на яго граніцах – пачатковай і фінальнай, можна паспрабаваць «прачытаць» іх рытуальную гісторыю і тым самым ахапіць абраднасць цалкам, у поўным аб’ёме, а не толькі праз песню пра стралу. У такім разе задача даследчыка павінна скіроўвацца да выяўлення скрытых элементаў твораў, якія выкарысталі бытавы код для перадачы традыцыйнага рытуальнага зместу. Звернемся да аналізу найбольш яркіх другасных абрадавых песень і пакажам арганічную сувязь іх сюжэтаў, матываў, дэталей з абрадам ваджэння і пахавання «стралы».

«Сястра з брацкама цераз мора йшлі»: *аналіз сюжэта*. Дадзеная карагодная балада занатавана ў эпіцэнтры абраду ваджэння «стралы» – Веткаўскім і Чачэрскім раёнах. Твор мае ярка выражаную касмаганічную скіраванасць, суадносную з рэліктавай міфалагічнай ідэяй утварэння сусвету з частак цела першачалавека. У ведыйскай міфалогіі мадэллю касмаганічнага працэсу з’яўляецца ахвярапрынашэнне Пурушы, антрапаморфнага ўвасаблення Сусвету. Аналагічна з цела касмічнага велікана Іміра, забітага асамі, утвараецца свет паводле скандынаўскай міфалогіі. А ў старажытнай акадскай пачварная маці багоў Тьямат (мора) таксама становіцца ахвярай: забіўшы яе, бог малодшага пакалення Мардук рассякае цела Тьямат на дзве часткі і ўтварае з іх неба і зямлю (паэма «Энума эліш»).

Як памятае, у асноўнай стрэльнай песні распаўядаецца пра з’яўленне зямных водных крыніц са слёз плакальшчыц над цэлам забітага стралой малойчыка. На прыкладзе песні пра брата і сястру лёгка ўпэўніцца, што другасныя творы часам, можа быць, шырай пакрываюць міфалогію, чым першасныя. Калі міф тварэння адзін раз «зачапіўся» за абрад, ён не застыне, а будзе рухацца, пакідаючы разнастайныя сляды сваёй прысутнасці ў шэрагу твораў. Нягледзячы на меншы машаб тварэння ў параўнанні з сусветным міфалагічным сюжэтам, твор захоўвае агульную ідэю з’яўлення частак свету ў выніку пагібелі пэўнай істоты. Тут пагібель не